

Архиепископ Пантелеимон: «У меня нет сомнений: молодежь услышит свою Церковь»

Орловско-Ливенская епархия расположена на улице, которая носит имя генерала А.П. Ермолова. Герой Отечественной войны 1812 года, покоритель Кавказа, наш славный земляк — символ величия и могущества русского духа, один из многих полководцев России, олицетворяющих русскую воинскую славу и доблесть. Именно об этом невольно думаешь, глядя на маленький домик отца генерала Ермолова, который находится напротив входа в Орловско-Ливенскую епархию. По Божьему промыслу в трудное для нашей срединной российской области время возглавил Орловско-Ливенскую епархию архиепископ Пантелеимон — человек, много лет прослуживший на Кавказе (да каких тревожных лет!). С этого и начался наш разговор.

— Глубокоуважаемый владыка! Недавно я слушал ваше выступление на заседании общественной палаты Орловской области, оно глубоко меня тронуло. Вы сказали главные слова — о России, о русском народе, о душевности и духовности. Настолько тепло на сердце было от ваших слов! Хотелось бы задать вам несколько вопросов. Каковы ваши первые ощущения на орловской земле, в нашем литературном крае?

— Первые мои ощущения на орловской земле — это, я повторяю уже не один раз, искреннее ощущение родного дома, некоего генетического блаженства, которое, видимо, передается от людей, которые живут здесь, в центре России. Я согласен с Тургеневым: здесь «на тысячу верст кругом — Россия — родной край». Область мирная, спокойно можно спать, не беспокоясь о своей безопасности. Вот такие первые чувства.

— Вы служили на Кавказе. Сейчас там очень непростая обстановка... Это регион, который постоянно пытаются подогреть извне и взорвать изнутри. Интересно ваше мнение — как истинно русского человека — о том, что сейчас там происходит, особенно в последнее время, когда вновь произошла серия терактов, на Кавказе вновь проливается кровь...

— Мы как бы вновь осваиваем Кавказ. Чувства уверенности, что мы дома, там нет. Есть чувство построения этого дома — русского дома на Кавказе. Как ни странно, кавказская война уже 170 лет как закончилась, и вдруг как будто она в каких-то мистических рамках ожила. Вот у меня какое ощущение. Но тем не менее на Кавказе мы должны себя утвердить, остаться. Время испытывает отношения России — самые добрые, самые искренние — с кавказскими жителями, с народом Кавказа. Хочется верить, что разум, взаимопонимание и взаимная любовь залечат раны, которые появились в наших отношениях. Если в Орле все стабильно и спокойно, то на Кавказе все тревожно и неидеально. Но мудрость русского народа и кавказцев, добрая воля с обеих сторон и твердая государственность — победа.

— Очевидно, что посеяли зерна страшного бурьяна недоверия политики, которых уже нет. Они сделали свое черное дело, когда ввели войска в Чечню, и ушли из политики. А пожинает плоды приходится другим. Если перейти от темы Кавказа к нашей орловской действительности, то надо признать, что у нас в области тоже были определенные трудности, поэтому и произошли перемены в светской и духовной власти. В свое время я взял интервью у вашего предшественника. Вы читали его, знаете. Он сказал то, что думал, на мой взгляд, искренне. Получилось, что газета и журналисты невольно стали заложниками той ситуации, и, как следствие, появилась определенная разобщенность среди прихожан. Многие до сих пор переживают. Как вы оцениваете происшедшее?

— Я читал интервью и должен сказать, что сегодня церковь находится на таком же пике переживаний, внутренних столкновений, внутренних движений, как и Кавказ: когда говорят об одном том же на разных языках и думают, что враждуют. Это первое.

А второе: церковь — это богочеловеческий организм. И Господь сказал, что будут добрые пастыри и будут волки, а будут просто люди, живущие по стихии мира сего. Поэтому здесь произошло не что иное, как столкновение разных подходов к одному и тому же вопросу. И получилось, как на строительстве Вавилонской башни, когда Бог смеялся языки строителей. Один говорил: «Дай кирпич», а ему давали солому, кричал: «Дай воду», — ему давали пыль. Она и не построишься. Вот примерно так произошло и здесь. Человеческие эмоции привели к тому, что один обвинил другого в несущущем преступлении, что, естественно, вызвало адекватный ответ обиженного. Вы как журналист дали свою оценку людей, которые живут здесь, в центре России. Я согласен с Тургеневым: здесь «на тысячу верст кругом — Россия — родной край». Область мирная, спокойно можно спать, не беспокоясь о своей безопасности. Вот такие первые чувства.

Сейчас разобралась комиссия. Все стало на свои места, и я очень рад, потому что не мое это дело разбирать эти конфликты. Отец Владимир Дорощ был обвинен неправильно, ложно. Непонимание двоих вылилось в банальный, а по церковным отношениям — в очень печальный конфликт, который ранил сотни сердец и душ верующих людей. Вот это очень ценно осознать, этого не должно было быть. Я рад, что отец Владимир не отвечал на это ничем в газете, но противоположная сторона, я думаю, сегодня размышляет над этим вопросом и какую-то оценку сделает. Но то, что не было никакого хищения, воровства — это можно опираться на документы комиссии Патриарха, утверждать определенно, это факт. Я не вдавался в вопросы расследования и не буду. Меня здесь не было, а такие конфликты могут возникнуть в любом месте. Дай Бог, чтобы их больше не было. Скорее всего, сыграла обыкновенная человеческая обида старшего чиновника на младшего, который приказ не исполнил, и явилось интервью.

Шумиха не стоит яйца выеденного. Это желтая пресса из этого факта что-то может сделать. Церковь, наоборот, хорошо претерпела наговор. Но в данном случае это ранило церковных людей. Они должны убедиться, что все заявленные обвинения — неправда, что это была просто сиюминутная вспышка обиды, которая вылилась в это интервью. И второе: все мы живем в современном мире и так привыкаем ко всем нашим средствам жизни, в том числе и к СМИ, что даже забываем, что вообще-то это не духовная, а светская коммуникативная система, а у нее свои каноны. Сказать, что сор из избы вывели, — несправедливо, потому что верующие и так обо всем знали. Амбиции столкнулись, которые вылились во взаимное непонимание действий друг друга. А нужно было просто сесть за стол и поговорить самым простым человеческим образом, спросить, в конце концов. К той же комиссии обратиться, когда они приехали. А вы как честный корреспондент это все показали народу. Я считаю, что это неплохо. Отец Владимир — честный человек. Он исполнил свой долг, он должен был его

исполнить. Вот, пожалуй, и всё.

— Я проехал много, в силу своей службы, как военный, на Дальнем Востоке был, в Средней Азии, на Кавказе неоднократно и полностью разделяю ваше мнение о проблеме русского человека, об использовании слова «русский», а самое главное — о том, что нам, русским людям, присущ интернационализм, аналогом которому трудно найти в мире. У нас не так давно был период, когда представители разных национальностей могли с гордостью сказать: «Я дагестанец», «Я чеченец», «Я ингуш», но чуть ли не неприлично было сказать: «Я русский», «русский дух» и так далее. Слава Богу, это время ушло.

— Слава Богу!
— Это Господь и Матушка-заступница стоят над Россией...

— Действительно, так.
— Мы должны об этом больше говорить. Поднимать русский дух, значение русской культуры, православной культуры...

— Дело в том, что вопрос о русских, русскости, славянскости, славянстве всегда болезненно воспринимался другими. Особенно тогда, когда отрезали понятие «русский славянин» от понятия «православный христианин». Особенно в годы атеизма. Если взглянуть на всю историю, то жизнь славянских племен никогда не была замкнута. С добром или мечом к нам всегда шли другие народы. А славяне рассеялись по Балканам, по германским землям. А затем славяне всегда принимали культуру рядом живущих народов, даже, скажем, форму одежды, или обряд. А ведь не может быть ненависти к тому человеку и народу, от которого принял что-то хорошее. Полнота славянской души, русской души такова, что она и по сей день старается все впитывать. И, видимо, внутренний самоанализ выработал такой ген, который определяет братское отношение к народам, которые живут рядом и которые вчера были врагами, а сегодня стали соотечественниками. Можно из истории вспомнить наши отношения с черкессами, адыгами, южно-цыганскими племенами, к которым мы, русские, постепенно так крепко привыкли, что даже не

думали, что они нам чужды. Христианская идея, которая выражена словами апостола: «Во Христе нет иудея, эллина и все равны», убивала всякое зерно национализма, и шовинизма и фашизма. Вот почему спокойно крестились татарские князья, мурзы, от которых далее пошли целые ветви русского дворянства. Так было и со знаменитой Золотой Орды, и с крымскими татарами, и с теми же черкессами. Пожалуй, пример, Федор Ушаков — целый род русских святых, самим адмиралом оканчивая. А ведь Ушаковы — потомки князя великого Косовского и Адыгского. И это сегодня так должно нас роднить с кавказским народом, как никого в мире. Ведь в Византии не воспевался еврей, грек, араб или какая-то другая национальность. Там отдавалась почеть человеку, преданному идеям христианства и единства империи. Вот почему четвертому Риму не бывало. Видимо, слишком много русского человека пришлось пережить насилия со стороны неродственных племен и через сопротивление влить их, впитать, воссоединить со своей культурой и сказать: они наши братья. Поэтому татары ни в коем разе нам не чужие. Это наш российский народ. А народы Поволжья, Коми-Пермяцкого края... Да они все наши люди, все русские. Понимаем, что национальная культура, языки есть, так и должно быть. Я считаю: нигде в мире такого равенства нет. Это лично мои убеждения, умозаключения. И Орловская область в этом плане — уникальная область. Смотришь на лица мужчин, женщин, детей, девушек, юношей — южные, украинские лица. Есть среди них и светловолосые, голубоглазые... Поверьте, казаки — вот ваше лицо. Нас объединяет одна вера, одна культура — христианство, один прекрасный язык. От этого исходит жажда не поработить кавказские народы, азиатские народы, тюркские... а сблизить вот эти наши добрые отношения.

Вы думаете: легко осознать, что сегодняшние узбеки, туркмены, таджики, казахи, киргизы, азиатская часть Советского Союза или Российской империи отчуждены сейчас от России? И это ощущение утраты не «порабощенных народов», а именно чего-то потерянного родного. Они нам нужны для полноты осознания, что мы вместе: что мы можем по-

езвращать в ноль. И русский народ, хребтовый народ, государствообразующий, превращая в народ, обучающий любви. А русских не надо этому учить. Русский народ с любовью принимает и французоз, и немцев, и поляков... В пример приведу Калининградскую область: туда много немцев приезжает. Бабушки приносят их дома, угощают, самогонку с ними выпивают, целуются, сидят и плачут вместе, вспоминая войну. Где вы это увидите? Россия сумела сохранить бережные отношения с финским народом. И в советское время такие отношения бережные были. То, что пошатнулось, подорвалось в Чехии, Польше, оно восстановится, если Россия будет крепка и полезна для всех этих народов. Это и происходит. Вот и все. А все это от православия, от Христовой идеологии.

— Давно стоит проблема искоренения пьянства, бездуховности и привития, особенно среди молодежи, православной культуры, внесения ее в молодежную среду. Скажите, пожалуйста, об этом несколько слов. Сейчас роль церкви именно в работе с молодежью, пожалуй, слабое место в церковной политике, хотя есть и хорошие примеры...

— Отвечу так. Это я понял, когда учился в семинарии в Ленинграде. Брат Святейшего Патриарха Кирилла, отец Николай Гундяев, был у нас догматическое бо-

говие. Он прекрасный проповедник, ученый, философ, и вот он привел пример, о котором мы не думали сами. Он сказал так: «Когда с повестки дня уйдут вопросы о патриотизме, о самовоспитании, о чем мы говорили, эти поколения унесут с собой то, что веками нарабатано в христианстве». И, правда, они уходят, их уже нет. Русская деревня не знала мата, русский интеллигент тоже не знал мата. В деревне кланялись и говорили: «Петр Семенович...», «Дарья Васильевна...», пожилому человеку «баба Дуня» дети говорили. Старик уступали дорогу. Сегодня у нас этого нет. И после ухода этих ветеранов остались их дети, которые уже не знали православно-христианской морали, этики, они уже не обладали менталитетом христианина. А сегодня уже их дети, которые имеют от детей, — полностью потерянные. Это в прямом смысле Ивановы и Маньки, не помнящие родства, не знающие этикета простой народной жизни и взаимоотношений между людьми, между возрастными категориями людей, между детьми и родителями; не соблюдают заповеди: «Чти отца своего и мать свою, да благо твое и да долготлетен будешь ти на земли». Но по происхождению они еще генами крепки. Дети рождаются прекрасные. И вот этих маленьких красивых живых детей, из которых потом будут интеллигенты, научат высшей математике, языкам, но их никто не научит высшему человеческому понятию добра, потому что его не сохранили. И вот здесь единственной хранительницей осталась, так случилось волей судьбы, волей истории, Православная церковь. И в Белоруссии, и в Украине, и в России — потому что это народы православные. Баптизм, адвентизм, прочие протестанты — они несут культуру западную. Она, может быть, и неплохая, но у них там совсем другое мышление. А мы несем то, что пахнет хлебушком, трудом, театром, библиотекой... — культурой, одним словом.

Более того, православная церковь всегда давала и дает маленькому человеку нравственный иммунитет. А сейчас уже не считается грехом плевать на землю, табак бросать, курить. Или вот девочка, мальчишка растут, ясно, растет и дети курят, они просто иммунитет не имеют. Кругом разврат показывают, дескать, это ваше. Казно — это ваше! Это надо. А у бабушки Даши в Орловской губернии в деревне город пропалывать — это не ваше. А ведь это все культура, все должно достигаться через труд. Молодежь должна задуматься о родной земле, о хлебе и о детях, о том, что есть шишки и розы. И потом, дети всегда были настолько желанными в славянских семьях, христианских, и в исламских семьях, да и везде. (Слава Богу, в исламе это сохранилось! Слава Богу, что там и не думали их убивать). А у нас сегодня только и внушается о каких-то извращенных формах временного удовольствия. Но ведь сплошные удовольствия не дают ощущения полноты жизни. Что-то должно быть стержневое, что должно принести настоящую, подлинную радость жизни. И когда я встречаюсь с молодыми семьями, где есть маленькие дети, но они сами еще как дети — глаза у них горят жаждой развлечений, тут я понимаю: нет Христа, им нужно дать Христа, т.е. понимание, что истинная радость дается через преодоление трудностей, жертвенность. И тогда все будет в порядке.

Пусть они живут в деревне без унитазов и ванн, но с верой, надеждой, любовью, они сами потом это все сделают, своим трудом. Вот что остановил 1917-й год. А теперь уже к старикам, которые прошли партию, комсомол и прочее, обращаться, чтобы возродить православный менталитет, бесполезно. А вот к этим юношам и девушкам, которые учатся в школах, в университетах, в академиях, к ним обращаться можно, потому что им и оставаться здесь. У меня вообще нет никаких сомнений: молодежь услышит свою Церковь, она уже слышит голос пастырей. Тому свидетельство — авторитет Святейшего Патриарха Кирилла. Тому свидетельство — сощещание офицеров, на котором веками нарабатано в христианстве». И, правда, они уходят, их уже нет. Русская деревня не знала мата, русский интеллигент тоже не знал мата. В деревне кланялись и говорили: «Петр Семенович...», «Дарья Васильевна...», пожилому человеку «баба Дуня» дети говорили. Старик уступали дорогу. Сегодня у нас этого нет. И после ухода этих ветеранов остались их дети, которые уже не знали православно-христианской морали, этики, они уже не обладали менталитетом христианина. А сегодня уже их дети, которые имеют от детей, — полностью потерянные. Это в прямом смысле Ивановы и Маньки, не помнящие родства, не знающие этикета простой народной жизни и взаимоотношений между людьми, между возрастными категориями людей, между детьми и родителями; не соблюдают заповеди: «Чти отца своего и мать свою, да благо твое и да долготлетен будешь ти на земли». Но по происхождению они еще генами крепки. Дети рождаются прекрасные. И вот этих маленьких красивых живых детей, из которых потом будут интеллигенты, научат высшей математике, языкам, но их никто не научит высшему человеческому понятию добра, потому что его не сохранили. И вот здесь единственной хранительницей осталась, так случилось волей судьбы, волей истории, Православная церковь. И в Белоруссии, и в Украине, и в России — потому что это народы православные. Баптизм, адвентизм, прочие протестанты — они несут культуру западную. Она, может быть, и неплохая, но у них там совсем другое мышление. А мы несем то, что пахнет хлебушком, трудом, театром, библиотекой... — культурой, одним словом.

Более того, православная церковь всегда давала и дает маленькому человеку нравственный иммунитет. А сейчас уже не считается грехом плевать на землю, табак бросать, курить. Или вот девочка, мальчишка растут, ясно, растет и дети курят, они просто иммунитет не имеют. Кругом разврат показывают, дескать, это ваше. Казно — это ваше! Это надо. А у бабушки Даши в Орловской губернии в деревне город пропалывать — это не ваше. А ведь это все культура, все должно достигаться через труд. Молодежь должна задуматься о родной земле, о хлебе и о детях, о том, что есть шишки и розы. И потом, дети всегда были настолько желанными в славянских семьях, христианских, и в исламских семьях, да и везде. (Слава Богу, в исламе это сохранилось! Слава Богу, что там и не думали их убивать). А у нас сегодня только и внушается о каких-то извращенных формах временного удовольствия. Но ведь сплошные удовольствия не дают ощущения полноты жизни. Что-то должно быть стержневое, что должно принести настоящую, подлинную радость жизни. И когда я встречаюсь с молодыми семьями, где есть маленькие дети, но они сами еще как дети — глаза у них горят жаждой развлечений, тут я понимаю: нет Христа, им нужно дать Христа, т.е. понимание, что истинная радость дается через преодоление трудностей, жертвенность. И тогда все будет в порядке.

Пусть они живут в деревне без унитазов и ванн, но с верой, надеждой, любовью, они сами потом это все сделают, своим трудом. Вот что остановил 1917-й год. А теперь уже к старикам, которые прошли партию, комсомол и прочее, обращаться, чтобы возродить православный менталитет, бесполезно. А вот к этим юношам и девушкам, которые учатся в школах, в университетах, в академиях, к ним обращаться можно, потому что им и оставаться здесь. У меня вообще нет никаких сомнений: молодежь услышит свою Церковь, она уже слышит голос пастырей. Тому свидетельство — авторитет Святейшего Патриарха Кирилла. Тому свидетельство — сощещание офицеров, на котором веками нарабатано в христианстве». И, правда, они уходят, их уже нет. Русская деревня не знала мата, русский интеллигент тоже не знал мата. В деревне кланялись и говорили: «Петр Семенович...», «Дарья Васильевна...», пожилому человеку «баба Дуня» дети говорили. Старик уступали дорогу. Сегодня у нас этого нет. И после ухода этих ветеранов остались их дети, которые уже не знали православно-христианской морали, этики, они уже не обладали менталитетом христианина. А сегодня уже их дети, которые имеют от детей, — полностью потерянные. Это в прямом смысле Ивановы и Маньки, не помнящие родства, не знающие этикета простой народной жизни и взаимоотношений между людьми, между возрастными категориями людей, между детьми и родителями; не соблюдают заповеди: «Чти отца своего и мать свою, да благо твое и да долготлетен будешь ти на земли». Но по происхождению они еще генами крепки. Дети рождаются прекрасные. И вот этих маленьких красивых живых детей, из которых потом будут интеллигенты, научат высшей математике, языкам, но их никто не научит высшему человеческому понятию добра, потому что его не сохранили. И вот здесь единственной хранительницей осталась, так случилось волей судьбы, волей истории, Православная церковь. И в Белоруссии, и в Украине, и в России — потому что это народы православные. Баптизм, адвентизм, прочие протестанты — они несут культуру западную. Она, может быть, и неплохая, но у них там совсем другое мышление. А мы несем то, что пахнет хлебушком, трудом, театром, библиотекой... — культурой, одним словом.

Более того, православная церковь всегда давала и дает маленькому человеку нравственный иммунитет. А сейчас уже не считается грехом плевать на землю, табак бросать, курить. Или вот девочка, мальчишка растут, ясно, растет и дети курят, они просто иммунитет не имеют. Кругом разврат показывают, дескать, это ваше. Казно — это ваше! Это надо. А у бабушки Даши в Орловской губернии в деревне город пропалывать — это не ваше. А ведь это все культура, все должно достигаться через труд. Молодежь должна задуматься о родной земле, о хлебе и о детях, о том, что есть шишки и розы. И потом, дети всегда были настолько желанными в славянских семьях, христианских, и в исламских семьях, да и везде. (Слава Богу, в исламе это сохранилось! Слава Богу, что там и не думали их убивать). А у нас сегодня только и внушается о каких-то извращенных формах временного удовольствия. Но ведь сплошные удовольствия не дают ощущения полноты жизни. Что-то должно быть стержневое, что должно принести настоящую, подлинную радость жизни. И когда я встречаюсь с молодыми семьями, где есть маленькие дети, но они сами еще как дети — глаза у них горят жаждой развлечений, тут я понимаю: нет Христа, им нужно дать Христа, т.е. понимание, что истинная радость дается через преодоление трудностей, жертвенность. И тогда все будет в порядке.

— Спасибо огромное. Благодарю вас, владыка.
— Благодарю вас, Господь.
Слушая владыку, мы не заметили, как пролетело более часа. В кабинет несколько раз заглядывали служащие епархии, и если бы не неотложные дела, о которых напоминали архиепископу Пантелеимону, мы готовы были еще и еще задавать вопросы о самом главном, о самом сущем, что волнует всех нас.
Проповедник, носитель высшего духа и истины, человек, поражающий своей убежденностью и глубиной понимания жизни. Именно такой духовный руководитель сегодня нужен нам всем. Верится, что с его приходом уйдут все споры и наветы, недопонимание между людьми и борьба тщеславий. С его приходом возвращены в свои храмы священнослужители, ранее гонимые, на свою должность вернулись отец Владимир Дорощ, которого я невольно, не по злему умыслу, обидел. Прощу его простить меня. Взаимное прощение и терпимость — сегодня это как никогда нужно, ибо только в любви и согласии, в прощении и взаимопонимании мы сможем преодолеть трудное для страны время, сблизить свои души и единую, неделимую Россию.
Спаси нас, Господь!
Александр ТИХОНОВ.